

Мария Рыжова

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Газета «Суть времени» №13, 30.01.2013, [ссылка](#)

Мы постоянно слышим разговоры о гуманизме. Но что такое гуманизм?

Великий немецкий писатель Томас Манн, в отличие от своего брата Генриха Манна, не был апологетом коммунизма. Но размышляя о гуманизме и фашизме, он постоянно настаивал на том, что гуманизм может устоять только став новым, лишенным патетики, осознающим всю мощь зла. Что враг человечества — это не реликт средневекового иррационализма. Что все теперь понимают силу этого врага. И что на бой с ним надо идти так, как когда-то шел монах на бой с Дьяволом.

Впрочем, размышления Томаса Манна о новом гуманизме не носят завершеного мировоззренческого характера. Это скорее зарисовки, эскизы, этюды. Завершенный мировоззренческий характер этой идее нового гуманизма хотели придать коммунисты. И никто кроме них не занимался новым гуманизмом как фундаментальной мировоззренческой проблемой. Но, увы, в СССР эта проблема очень быстро оказалась вытеснена на периферию. Вначале было не до этого. Нужно было строить заводы, ликвидировать неграмотность и так далее. А потом проблему нового гуманизма стали искусно замалчивать.

В СССР никогда не было запрета на исследования в этом направлении. Выходили даже коллективные монографии — например, «Литература и новый гуманизм». Но выходили эти монографии с большим трудом. Теперь уже намного понятнее, почему. Правящая КПСС была разделена в ту эпоху на две внутренние партии: либеральную и консервативную (вторая из этих партий иногда называлась «русской» — читайте Байгушева «Русский орден в КПСС»). Либеральной партии новый гуманизм был не нужен, потому что она стремилась разгромить коммунизм и утвердить на его месте либерализм.

Второй, консервативной внутренней партии коммунизм был еще более чужд, так как она тоже хотела утвердить свое мировоззрение на обломках коммунизма. В данной статье я не хочу разбирать, что именно имелось в виду под утверждением консервативного мировоззрения на обломках коммунизма. Я только хочу подчеркнуть, что люди, действительно верящие в коммунизм, в элите КПСС никак не составляли большинства. Тем не менее, в качестве перспективы этот новый гуманизм существовал до тех пор, пока существовал СССР. После краха СССР проблема нового гуманизма, способного сопротивляться фашизму, оказалась фактически сведена к нулю. И возникло два подхода к проблеме сопротивления фашизму.

Первый подход состоял в том, что фашизму вообще нельзя сопротивляться, ибо он содержит в себе некую страшную правду о человеке и мире. Что все, кроме фашистов, боятся этой правды, а фашисты единственные ее признают, а значит, за ними будущее.

Второй подход состоял в том, что сопротивление фашизму возможно. Но осуществлять его надо, так сказать, старыми дедовскими методами, опираясь на добрый старый гуманизм.

Все мы, наверное, помним прекрасный фильм Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс», в котором судья пытается бороться с фашизмом, опираясь на добрый старый гуманизм. У меня этот фильм всегда вызывал сложные чувства. Все симпатии, конечно же, на стороне судьи. Но при этом его победа не лишена горького привкуса. Уходящий мир старого гуманизма одерживает победу именно в последний раз. И дело не в том, что судья стар. А в том, что он сознательно предьявляет всем свою правду, так сказать, в стиле ретро: «Вы, знаете ли, умничаете. А я вот взял и уперся. И сопротивляюсь вашему умничанью. На том и стою. Считайте меня ограниченным старичком, но на самом деле за мной большая правда».

Впрочем, фильм Крамера — это последнее произведение, в котором описано, как старый гуманизм оказывает фашизму полноценное, хотя и упрощенное, сопротивление.

В фильмах Иштвана Сабо все уже по-другому. Я имею в виду и относительно ранние фильмы Сабо, такие как «Мефисто» (1981 год), «Полковник Редль» (1984 год) и «Ханнусен» (1989 год). И фильм 2001 года «Мнение сторон». В нем Сабо уже отдает должное поношению коммунизма и советизма. Но дело не в этом. А в том, что мы вновь имеем дело с американским майором, отстаивающим старый гуманизм в борьбе с фашизмом. Но оппонентами этого майора теперь уже выступают не находящиеся по другую сторону баррикад сторонники фашизма, а его же помощники, являющиеся жертвами фашизма. Это американский офицер еврейского происхождения, единственный в семье уцелевший во время геноцида. И немецкая женщина, чей отец был казнен за участие в заговоре против Гитлера. Новизна этого фильма по отношению к фильму «Нюрнбергский процесс» Стэнли Крамера в том, что эти жертвы фашизма встают на защиту подследственного — дирижера, возглавлявшего при фашистах Берлинский филармонический оркестр.

Американский упертый старый гуманист упорствует по-крамеровски. А его помощники и жертвы фашизма уже находятся по другую сторону баррикад. И что же может задействовать представитель старого гуманизма? Он может только попытаться негуманистичными, по мнению его помощников, средствами, пробиться к человеческому в обвиняемом. Упорный старый гуманизм понимает, что за ним нет никакой особой сложной мировоззренческой правоты (той правоты, которую и впрямь может дать только новый гуманизм). Но он использует грубые средства, считая, что они и есть все, что находится в распоряжении гуманизма для сопротивления фашизму. Его позиция еще слабее, чем у судьи из «Нюрнбергского процесса».

Тем самым мы, используя кино как индикатор, убеждаемся во все большем оскудении старого гуманизма. Что при отсутствии нового гуманизма фактически гарантирует победу фашизма. Если только человечеству не удастся снова задействовать и резко усилить потенциал нового гуманизма. Фактически в этом сегодня состоит главная задача Сопротивления фашизму.

Выше я говорила о двух подходах к фашизму. Рассмотрев первый, основанный на сопротивлении за счет мобилизации остаточных потенциалов старого гуманизма, я перехожу ко второму.

Второй подход основан на том, что фашизму сопротивляться невозможно, да и не нужно. Слишком многое он узнал о человеке. Только он один не побоялся правды о нем. Только он содержит в себе необходимый метафизический потенциал, без которого невозможны ни культура, ни человечество и так далее.

Самым ярким представителем второго подхода является, конечно же, датский режиссер Ларс фон Триер. Это своего рода *enfant terrible* западного кино.

Мало кто может позволить себе заявить на пресс-конференции: «Я понимаю Гитлера». А Триер — может. Его фильмы «Европа», «Антихрист», «Меланхолия» являются доказательством того, что он таки и впрямь, исповедуя второй из двух названных мной выше подходов, находится под обаянием и фашизма вообще и конкретно Адольфа Гитлера. А, главное, он твердо уверен, что только фашизм не боится подлинной — конечно же, гностической — правды о человеке и мире.

Главная героиня фильма Ларса фон Триера «Меланхолия» — фактически «посвященная», с точки зрения пифагорейской, платоновской и гностической традиции. Она знает о мире то, что не знает ее приземленная сестра, страшась конца света. А именно — она знает, что конец света будет. Что планета Земля столкнется с планетой «Меланхолия»... И это столкновение будет прекрасным! Именно так его и показывает Ларс фон Триер. Мол, все, кроме фашистов, — твари дрожащие, боящиеся смерти. И потому ничтожные и презренные. А вот фашисты смерти не боятся. И наоборот, готовы ее приветствовать, потому что им введома гностическая правда, а остальным —

нет. Они этой правды не боятся, а остальные — боятся. О какой правде идет речь? О какой-то новой фашистской правде? Нет, эта «правда» стара как мир.

Западные почитатели Традиции с большой буквы, вроде упомянутой нами в предыдущей статье английской поэтессы Кэтлин Райн с большим интересом и **целенаправленно** изучают античных авторов, а именно — Гермеса Трисмегиста, Платона, Пифагора. С чем связан интерес именно к этим философам?

Они выдвинули тезис о том, что настоящее знание является скрытым и доступно только посвященным. Но об этих посвященных — когда-нибудь в другой раз. В этой статье важнее разобрать другой аспект — Традиции с большой буквы. Ее упоение смертью, как бегством из дольного мира, который не поврежден злом, а соткан из зла. И потому из него можно только бежать.

Ревнители этого подхода ссылаются и на Пифагора, и на Платона. Но оба этих великих философа слишком сложны для того, чтобы сводиться к столь элементарному воспеванию смерти и осуждению жизни. Другое дело — гностики.

Ссылаясь на древние авторитеты (то на Гермеса, то на Тота, то на Пифагора, то на каких-нибудь неведомых египтян), они достаточно внятно сформулировали уже в I–II веках нашей эры те постулаты, которые постоянно воспроизводят современные ревнители Традиции. Мол, весь мир целиком соткан только из зла. Это зло настолько фундаментально, что оно не может быть сотворено благим началом. А значит, оно сотворено злым началом. И понеслось...

Гностические идеи то просыпались, то засыпали. После первой волны интереса к этим идеям, начался определенный спад, во многом связанный с категорическим отрицанием этих идей каноническими христианами. В Средние века наблюдается новый всплеск интереса к этим идеям. В Южной Франции возникает очень авторитетная альбигойская ересь.

Затем гностицизм вновь переходит в спящее пассивное состояние. И вновь активизируется уже в XIX и XX столетиях.

Фашизм, конечно же, имеет гностическую подоплеку. Но он не раскрывал ее в полной мере, боясь разочарования немецкого и других арийских народов. Только после Второй мировой войны он стал до конца откровенен. И в этом своем откровенно гностическом, антигуманистическом качестве стал завоевывать умы, воспользовавшись пассивностью коммунизма и явным несоответствием старого гуманизма вызовам новой исторической эпохи.

Представители данного мировоззрения, завоевывают кинематограф. Причем, зритель это не всегда понимает, что обрушивающиеся на него мощные образы, призваны изменить его сознание, приобщить к гностической вере.

Готов ли зритель поддаться сказкам, цель которых — вызвать летаргический сон, медленно и сладко перетекающий в вожделенную смерть? Сложно сказать. Факт заключается в том, что у апологетов гностицизма есть мощные противники, также искушенные в деле воздействия на зрителя посредством кино.

Герой фильма режиссера Томми Ли Джонса «Три могилы» (2005 г.), американский патрульный Майкл Нортона, только-только приехал на мексиканскую границу. Его молодая жена заполняет жизненную скуку магазинами. А Майкл поддерживает жизненный тонус ненавистью к мексиканцам. И вот однажды, выстрелив наобум, он убивает человека — не нарушителя границы, а мексиканца, мирно пасущего лошадей.

Владелец ранчо Пит Перкинс, у которого работал убитый мексиканец, поняв, что убийца — Нортона, ставит ему условие: он не сдаст Нортона полиции, но тот должен отвезти убитого на

родину и похоронить там. Нортону предстоит трудное путешествие. Непонятно, где оно происходит — то ли в Мексике, то ли уже в потустороннем мире. В ходе этого сложного пути, терпя тяжкие лишения и испытывая страх, Нортон страдает. И страдание актуализирует в нем человеческое. Он раскаивается в содеянном и тем самым спасается.

В фильме братьев Коэнов «Старикам здесь не место» (2007 г.) старый шериф Эд Том осознает в какой-то момент, что привычный ему мир безвозвратно уходит. А на смену ему приходит нечто, что не просто вытесняет «стариков» на обочину. Это нечто приведет к тому, что не только старикам, но и их гуманизму в мире не будет места. *«Вы можете себе представить, — говорит Эд Том о случае в Калифорнии, — они убивали стариков, чтобы получать их пенсии. Пытали и закапывали на заднем дворе».*

Страшно не только обнаружение, что рядом зверски истязают себе подобных. Страшно, что за извращениями начинает проглядывать лицо нового мира — мира, в котором на место человека приходит античеловек. В фильме Коэнов он воплотился в образе убийцы, которому не может противостоять ни опытный шериф, ни бывший вьетнамский солдат, имеющий богатый опыт военных действия в самых разных боевых условиях.

Все навыки и знания оказываются бесполезны, так как в мир уже напрямую вошел представитель зла, не испытывающий никаких человеческих эмоций, чувств. Тьма послала в мир арьергард, и справиться с ним обычными, так сказать, «конвенциональными» средствами — невозможно.

Герои Коэнов опускают руки, признавая неизбежность гибели мира, герой Томми ли Джонса из фильма «Три могилы» принимает вызов... Но это вымышленные, виртуальные герои. А в реальном мире все зависит от нас, читатель. От нашей готовности задействовать для Сопротивления вышеописанному злу все то, что выше было названо новым гуманизмом. И без чего Сопротивление злу в XXI веке неизбежно будет вялым и неубедительным.

Конец текста